

Национальное самосознание: что изменилось?

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор

Для белорусского национального сознания мысль о глубоких, часто непреодолимых различиях между культурами, между Западом и Востоком – одна из ключевых, основополагающих, вне которой все методологические и конкретно-исторические, философские конструкции разрушаются. Однако постоянная апелляция к этой идее «промежуточности» уводит нас от сути вопроса, мешает осознанию себя самодостаточной нацией, у которой свой собственный путь развития.

Начиная с краткого эссе белорусского философа и публициста Игната Абдираловича «Адвечным шляхам» и заканчивая изданием Института философии Национальной академии наук, утверждается все та же мысль: мы, белорусы, находимся между Востоком и Западом, в этом заключается не просто некая географическая, пространственная данность, но и метафизическая суть. Это то, что народ получает вне зависимости от собственного желания, это та объективная реальность, вне которой понять как прошлое, так и настоящее, будущее просто невозможно. Как писал И. Абдиралович, «у нас не акрэсьлена культура», мы духовно бедны, и это коренится в

«дзэсяцівяковым ваганьні» между Востоком и Западом. «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы» [1, с. 8]. А вот мнение одного из авторов шеститомного издания «История философской и общественно-политической мысли Беларуси»: «Игнат Абдиралович – это первый национальный философ, а главной идеей его эссе является тезис о развитии страны между Западом и Востоком. Проявлением (зримым) этого «ваганья» явились две знаковые фигуры: Адам Мицкевич (Запад) и Михаил Коялович (Восток)» [2, с. 65–66]. В данном случае оставим в стороне полемику относительно того, насколько именно эти мыслители отражают западные и восточные тенденции в развитии национального самосознания. Обратимся к базовому, фундаментальному вопросу, связанному с белорусским колебанием между Западом и Востоком.

Это, конечно же, не исключительно белорусское интеллектуальное изобретение. Достаточно вспомнить продолжающийся до сих пор (в иных, естественно, формах) многовековой спор между западниками и славянофилами, «разрывавший» умственную жизнь Российской империи. Со времен А. Хомякова, К. Аксакова, А. Герцена, Ф. Достоевского, позже Вл. Соловьева, К. Леонтьева и многих иных выдающихся мыслителей вопросы о приоритете западных или восточных (сугубо национальных) ценностей будоражили умы, разводя по разные стороны действительно «интеллектуальной

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в г. Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский государственный университет имени Я. Купалы.

С 1978 по 1980 год работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ. В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета. С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

баррикады» – или славянофильство, или западничество – целые поколения. Причем синкретизм был невозможен. Славянофилов можно было назвать русофилами, но как назвать западников?

Несколько позже стал активно продвигать всехристианские идеи Вл. Соловьев, тут же заподозренный в симпатиях к католичеству. А апогеем этого разделения стали взгляды Н. Данилевского, вообще обособившего мир на замкнутые культурно-исторические типы и тем самым во многом предвосхитившего теоретические новации А. Тойнби. Даже не обращаясь к общему мировому культурному контексту, можно констатировать: И. Абдиралович повторил бушевавшие у восточного соседа интеллектуальные и политические страсти на национальной почве.

Но здесь важен и второй тезис: а есть ли вообще этот пресловутый Запад и столь же известный Восток (в метафизическом, конечно, смысле)? Мы до сих пор говорим о Западе как о чем-то едином, слитном, нераздельном – причем в разных формах: правовой (Европейский союз), философской (западноевропейская философия и т.д.), литературной и иных. Но так ли это на самом деле? В свое время Н. Бердяев высказался достаточно резко: «Этого «Запада» не существует, он есть выдумка славянофилов и русских восточников XIX века» [3, с. 501–502]. Единства западной культуры нет (слово «западной» мыслитель вообще берет в кавычки), можно говорить лишь о некоторых универсальных элементах в культуре. То же единство «романо-немецкой культуры» – выдумка, между немецкой и французской культурой существует пропасть гораздо более глубокая, нежели между культурой русской и немецкой, и т.д.

Но, может, ситуация существенно изменилась к сегодняшнему дню, и то единство Запада, о котором говорили, в частности, славянофилы, уже есть реальность? Здесь тоже возникают закономерные вопросы, поскольку эйфория от создания Европейского союза давно прошла, а те деструктивные тенденции, которые сегодня проявляются повсеместно (мигранты, будущий референдум в Великобритании о выходе из еврозоны и т.д.), ставят под сомнение существование единой Европы. Если же обратиться непосредственно к культуре-

логической мысли Запада, то говорить о некоем «единстве» тоже достаточно сложно, поскольку перед нами предстают такие разные мыслители, как Й. Хейзинга с его «играющим человеком» и погруженный в глубины психоаналитики К.Г. Юнг, многочисленные концепции различных «смертей» Европы, ее «закатов», «сумерек», «концов». Есть Г.К. Честертон с его апофеозом жизни и Ж. Маритен, возродивший томизм. Известен критик массовой культуры Х. Ортага-и-Гассет, крупнейшие французские экзистенциалисты, популярны «Франкфуртские чтения» Г. Бёлля и труды М. Хайдеггера. Список широк, но вопрос, поставленный, в частности, Н. Бердяевым, остается прежним: а есть ли она, единая западная культура?

Здесь следует отметить, что вопрос о «Западе» как реальной и метафизической сущности ставит под угрозу достаточно большое количество идеологем, основывающихся именно на существовании этого образования, как для нас, так и для иных регионов. Ведь если согласиться с Н. Бердяевым (Запад – фантом), то как быть с образом врага, который покушается на ценности иных континентов, стран и народов? Если нет Запада, в привычной, альтернативной Востоку транскрипции, то нет, получается, и самого Востока? С этой мыслью вряд ли согласятся те, кто разрабатывает идею приоритета национального (что часто значит – «восточнославянского») мироустройства перед мироустройством западным. Не поддерживают ее и белорусские философы, разрабатывающие проблему исторического самоопределения восточнославянских народов [4], ученые, которые глубоко и в целом обоснованно доказывают возможность иной интерпретации отношений между Западом и Востоком. Конечно, мы можем найти, определить общие для западноевропейской культуры смысловые пласты, единые линии интеллектуального развития, позволяющие говорить о единстве такого рода. Например, можно утверждать, что на смену «философии мысли», представленной, прежде всего, немецкой философией, пришла «философия жизни». Истину стали искать не в сфере разума, а в бессознательном, до-сознательном, под-сознательном. В пользу «философии жизни» сделали выбор и О. Шпенглер, и К.Г. Юнг, и Й. Хей-

зинга, хотя это вовсе не означает, что объединяющей западных культурологов доктриной явился лишь данный теоретический концепт. И здесь же были сформулированы идеи, которые важны для контекста нашего разговора. Скажем, мысль О. Шпенглера о том, что постигнуть чужие культурные миры в принципе невозможно. Единство мировой культуры, мировой истории – фантом, но это значит, что и проникновение иной культуры в культуру западноевропейскую, как минимум, затруднено. На таком основании можно высказать предположение, что О. Шпенглер, его труды могут быть востребованы теми современными специалистами, которые утверждают: мигранты, беженцы принципиально не могут «влиться» в культурное пространство Западной Европы и потому должны быть «отсечены», конечно, цивилизованными способами. Скажем, отправлены на родину. Но и здесь разброс мнений достаточно широк. Так, известный современный мыслитель Ю. Хабермас не разделяет данную точку зрения. Он полагает, что злободневная проблема мигрантов должна быть решена не путем «культурного отсечения» или «отсечения от культуры», а в рамках взаимопроникновения культур. По мнению ученого, решить проблему гармонизации культур можно путем восприятия Западом культуры Востока (в широком смысле) и наоборот. Попутно заметим: эта мысль сильно напоминает известный советский тезис о «слиянии наций через их расцвет». Но вернемся к Ю. Хабермасу.

В одной из своих работ, посвященной развитию Европы и сопутствующим проблемам правового, философского, политического характера, мыслитель обосновывает ряд идей, важных и для нашего национального самосознания. Это, во-первых, мысль о «биполярном» единстве Запада: то есть Запад и един, и не един. Может существовать формально-правовое единство западных стран, можно ощущать себя гражданином западноевропейской цивилизации, но одновременно осознавать всю разность различных культурных приоритетов и особенность национальных традиций. Во-вторых, вопросы, связанные с единством Европы, надо решать не путем осуществления властных прерогатив, а апелляцией к населению. Не власть устранил возникающие

проблемы, точнее, не власть прежде всего, а избиратели. В-третьих, «социоморальный прогресс выражается во все более далеко идущем включении маргинализированных групп и чужаков в лояльность такого рода, которую мы проявляем в отношении наших ближних» [5, с. 16]. Надо принять культуру «чужаков», мало того, ее надо принять как «свою». В противном случае, полагает Ю. Хабермас, «существующая политическая формообразующая сила Европейского союза превратится в диффузно расширенную зону свободной торговли» [5, с. 69].

Не только для Ю. Хабермаса, но и для иных интеллектуалов Западной Европы приоритеты связаны с пониманием важности сохранения культурного единства континента. Причем такие вызовы, как демографические проблемы, рост миграции обостряют ситуацию и показывают единственный выход – создание эффективных наднациональных структур, гармонизация экономической и социальной политики. Далеко не случайным представляется в этом контексте столь часто повторяющийся термин «конвергентность». Он сегодня обрел новое звучание: говорят о конвергентности методологических систем, конвергентности подходов к управлению и т.д. Национальные государства лишены возможности в одиночку «пробиться» к современным ресурсам управления, осуществить привычные социально-политические притязания, в частности, этому мешают глобализационные процессы. Западный мир мог бы осуществить такого рода гегемонию на основе именно реальных наднациональных форм управления. Те, что существуют, неэффективны и недостаточны. Европе нужен свой министр иностранных дел, свои вооруженные силы, нужна дистанцированность от американских военно-политических структур. Только тогда можно говорить о собственном представлении о международном праве, уголовном праве, только так Европа перестанет походить на караван судов, в котором темп задает самый медленный корабль.

Если мы теперь вернемся к мысли о «ваганьях» между Западом и Востоком на национальной территории, то закономерно возникает вопрос и такого порядка: каким Западом и каким Востоком? Есть

Запад политической культуры генерала Ш. де Голля и У. Черчилля, а есть О. фон Бисмарк и современных правых радикалов. Есть Запад И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, и есть С. Кьеркегора и А. Камю. Да и Восток, если иметь в виду российский, далеко не однороден. Это канцлеры А. Горчаков и К. Нессельроде, мыслители Д. Мережковский и А. Белый, В. Ленин и М. Горбачев. Даже краткий, поверхностный экскурс в историю вопроса, о чем велась речь выше, показывает всю сложность поставленной задачи. Но и идея «биполярности» культуры, о которой говорил Ю. Хабермас, нам в методологическом плане поможет мало. О какой «биполярности» на национальной почве мы можем говорить, между какими культурами? Польской и российской? Это отдельный вопрос, здесь же заметим главное: выбор в пользу «биполярности» белорусам было сделать трудно по причине отсутствия национальных интеллектуальных ресурсов (до второй половины XIX века). Чаще всего решение принималось в пользу «монополярности»: выбирали или Варшаву, или Москву в качестве центров притяжения, в форме политического идеала и соответствующей государственной политики.

На наш взгляд, постоянная апелляция к мысли о колебаниях между Востоком и Западом затемняет, затушевывает суть вопроса. Потому, в частности, что представители многих стран могут говорить о своем «срединном» положении между национально-государственными колоссами. Скажем, поляки достаточно часто упоминают, что они находятся между такими сильными державами, как Россия и Германия. Но что интересно: о колебаниях, «ваганиях» у них речь фактически не идет. А почему? Да потому, что польская нация выработала, создала свой интеллектуальный ресурс, на основании которого она достаточно уверенно чувствует себя в качестве самодостаточной. У нас же слова о «колебаниях» как раз мешают формированию этого ресурса. Акцент должен быть иной, поскольку в пресловутых «ваганиях» чувствуется мотив неуверенности, неустойчивости, когда сложно сказать, к какому берегу надо плыть и где спасение. Спасение в том, чтобы плыть самому, развивая собственные национальные силы, добиваясь самодостаточности не в декла-

ративном или в «колебательном» поле, а поле реальном, связанном с развитием национальной культуры и национального образовательного процесса.

Но, чтобы добиться этого результата, надо не только апеллировать к глобализационным процессам, рассуждать о важности союзов и о том, что экономика «сошьет» нам тот цивилизационный наряд, в рамках которого общество будет комфортно существовать. Важно говорить именно о характере развития национального самосознания, поскольку вне этого контекста ресурсы нашего развития будут существенно ограничены. Нельзя жить исключительно глобализационными проектами, нет никакой необходимости основываться исключительно на интеграционных экономических процессах. Самосознание белорусской нации, белорусской культуры может быть разным, но оно всегда должно содержать элементы именно национальной культуры, основываться на национальных приоритетах. И здесь важна, прежде всего, философия, философское осмысление происходящего. Как говорил русский философ Л. Шестов, «философия должна не успокаивать, а смущать людей» [6, с. 52], поэтому вопросы могут быть сформулированы самые неожиданные. Например, к чему привели непрекращающиеся в последние десятилетия в белорусском обществе разговоры о национальной идее: можно ли назвать конкретные результаты? Какие национальные достижения в сфере методологии науки мы можем поставить себе в заслугу и основываться на них в процессе исследования? Есть ли что-нибудь существенное в сфере мысли, отвлеченного знания, не связанного с «критикой» чужих идей, обработкой интеллектуального материала Запада или Востока, что позволило бы нам в полной мере заявить о собственных умственных притязаниях? Можем ли мы сегодня с высокой долей определенности сказать: нам ясен характер национальной психологии, мы можем с уверенностью говорить о белорусской «душе» так, как Н. Бердяев говорил, например, о душе польской, русской?

Здесь, правда, существует непростой вопрос о достижениях национальной философской школы. Достаточно широко распространено мнение, что эти достижения невелики, и говорить о белорусской фило-

софской традиции так, как говорят о традиции, скажем, немецкой, нельзя.

Причем подобные точки зрения встречаются не только у нас. В 2012 году в Польше было осуществлено многотомное издание «Польской философской энциклопедии», и редактору издания профессору А. Марынярчику из Католического университета в Люблине пришлось отстаивать свою позицию, приводя примеры достижений польской мысли в этической, политической, культурологической, антропологической сферах [7].

Как представляется, у нас должен быть осуществлен такой подход: важно говорить и утверждать не только собственно национальные достижения, но и обращаться к той традиции, вне которой понять и осознать их невозможно. Здесь существует достаточно широкий спектр идей и тенденций, имен и работ. Конкретный пример: Брестский государственный университет имени А. Пушкина до сегодняшнего дня носит имя великого русского поэта, и никто, насколько известно, не ставит вопроса о необходимости переименования вуза. В Пинске одну из улиц недавно назвали именем известного польского журналиста, писателя, и общественность восприняла это решение как должное. Иными словами, наш культурный контекст не может быть сведен к именам, принадлежность которых исключительно к белорусскому интеллектуальному цеху не вызывает сомнений. Правда, следует избегать и иной распространенной тенденции, когда «нашими» объявляются деятели культуры на основании какого-либо одного, чаще всего географического, признака.

Нам не уйти от осознания самих себя и в контексте национальной истории. Если мы жили, например, в границах Российской империи, то не надо думать, что это наследие, как позитивное, так и негативное, можно просто «отряхнуть» со своих ног и рук. Да и зачем, ведь многие из нас воспитывались, росли на русской философской культуре, и имена В. Розанова, Вл. Соловьева, П. Флоренского, К. Леонтьева и многих иных – не просто «энциклопедия», не просто мертвая традиция, это живая школа, в рамках которой мы напитывались мыслью высочайшего качества. Если наша история была, по сути, многоконфессиональной, то наше отношение к протестантизму, например, не

может быть основано на «зряшном отрицании», поскольку это был выбор многих людей, и просто сказать, что «этого не было», не получится. Протестантизм – «наш» уже постольку, поскольку именно наши люди избрали его в качестве пути духовного спасения. Но мы многого и не приняли, нам многое чуждо. Скажем, мессианизм никогда не был присущ белорусу, и чувство «имперскости» нам непонятно. Равно как и излишняя аффектация, гипертрофированное чувство собственного достоинства. Кроме того, чужда излишняя пафосность, нарочитый аристократизм. Футурологические мечтания – тоже не для нас.

Одним из белорусских литературных и национальных символов стало выражение «люди на болоте». Здесь присутствует не только конкретный социальный, политический, художественный контекст. Здесь присутствует и контекст метафизический – «людям на болоте» свойственно особое сознание, связанное с проблемой выживания в тяжелых природных условиях, понятием «партизанства» как уходом от широких коммуникативных связей и стремлением жить одному, со своей собственной правдой. Возможно, сказалось и то, что страна никогда не имела своего моря. «Море» здесь не только антоним «земле». К земле «прикрепиться» можно, земля символ оседлости, стабильности, труда и достатка. А вот море – простор, риск, энергетика, движение. Моря нам всегда не хватало, и его отсутствие сыграло важную роль в специфике и национальной культуры, и национального самосознания. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 44 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. – Т. 1: Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал. В.Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 574 с.
3. Бердяев, Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – 512 с.
4. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. – Гродно, ГрГУ, 2008. – 532 с.
5. Хабермас, Ю. Ах, Европа / Ю. Хабермас; пер. с нем. Б.М. Скуратов. – М.: Весь мир, 2012. – 160 с.
6. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) / Л. Шестов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 216 с.
7. Maryniarczyk, A. Czy istnieje polska filozofia? / A. Maryniarczyk // Gazeta wyborcza. – 2012. – 12 stycznia.